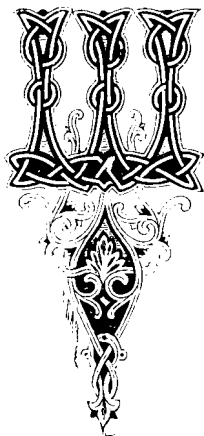

БРЫЗГИ ПАМЯТИ.

ЕЛѢ Великій постъ 1869 года. Я былъ студентомъ второго курса петербургскаго университета. Великимъ постомъ ежегодно устраивался самими студентами литературно-музыкальный вечеръ, для котораго петербургскіе клубы охотно давали бесплатно залъ, даже съ освѣщеніемъ, а литераторы и артисты, также бесплатно, читали, играли и пѣли. Распорядителями на такихъ вечерахъ были студенты, выразившіе желаніе принять на себя хлопоты по испрошенію разрѣшенія на устройство вечера, по приглашенію чтецовъ, музыкантовъ и пѣвцовъ, по продажѣ входныхъ билетовъ и по наблюденію за порядкомъ на самомъ вечерѣ, т. е., главнымъ образомъ, за точнымъ соблюденіемъ разрѣшенной полиціей программы, безъ всякихъ дополненій и сюрпризовъ. У меня было большое литературное знакомство, и товарищи просили меня взять на себя устройство литературно-музыкальнаго вечера въ пользу неимущихъ студентовъ. Я согласился и дѣятельно принялся за всѣ сопряженныя съ этимъ хлопоты: подалъ прошеніе министру императорскаго двора, отъ котораго зависѣло тогда разрѣшеніе всѣхъ частныхъ спектаклей, концертовъ, литературныхъ вечеровъ и пр. Фактически это разрѣшеніе давала контора императорскихъ театровъ, т. е. приснопамятный баронъ Кистеръ, къ которому и надо было найти «руку». Какъ на такую «руку» мнѣ указали на Ѳ. Д. Гриднина, внѣбрачнаго сына извѣстной въ свое время танцовщицы, А. А. Рюхиной. Баронъ Кистеръ, говорили мнѣ, очень благоволитъ къ Рюхиной и ея

сыну и разрѣшить вечеръ, по просьбѣ Гриднина, безъ дальнѣйшихъ справокъ и всякихъ затрудненій. Къ Гриднину мнѣ далъ письмо покойный П. Н. Ткачевъ, работавшій тогда въ «Дѣлѣ» Благосвѣтлова и дружившій уже съ Нечаевымъ, дѣйствовавшимъ среди петербургской молодежи и познакомившимъ Ткачева съ Гриднинымъ.

Гриднинъ жилъ съ матерью и теткою въ роскошной квартирѣ на Караванной улицѣ, занимая двѣ отдѣльныя комнаты, съ особымъ ходомъ на хорошую, хотя и «черную», лѣстницу. Я позвонилъ у парадной двери.

Отворившая дверь элегантная горничная пригласила меня слѣдовать за ней, сказавъ, что баринъ дома, занимаются въ своихъ апартаментахъ. Мы прошли изъ передней въ коридоръ и остановились у одной изъ выходившихъ въ него затворенныхъ дверей. Горничная постучалась и вошла въ комнату, не дожидаясь отвѣта на свой стукъ. Минуту спустя, въ коридоръ вышелъ молодой человекъ лѣтъ 30, въ золотыхъ очкахъ, съ небольшой свѣтлой, почти рыжей бородкой и такими же усами. Очки были темныя, глазъ не было видно.

— Къ вашимъ услугамъ, Гриднинъ,—сказалъ онъ.

Я передалъ ему письмо Ткачева.

— Здѣсь темно. Пройдемъ въ мою комнату.—И онъ отворилъ дверь, изъ которой вышелъ, приглашая меня войти первымъ.

Я вошелъ въ небольшую, узкую комнату, съ однимъ окномъ. Въ лѣвомъ углу, упираясь въ стѣну и въ подоконникъ, стоялъ довольно большой письменный столъ, надъ которымъ въ углу висѣлъ большой портретъ масляными красками матери хозяина, въ балетномъ костюмѣ. Вокругъ этого портрета, на обѣихъ сходящихся углахъ стѣнахъ красовались кабинетныя фотографіи Герцена, Бакунина, Прудона, Гарибальди, Виктора Гюго, Огарева, Чернышевскаго, Михайлова, многихъ извѣстныхъ актеровъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, музыкантовъ русскихъ и заграничныхъ. Къ углу стола примыкалъ низкій книжный шкапъ, на которомъ красовались неважные гипсовые бюсты Пушкина, Вѣлинскаго и Гоголя. У правой стѣны стояла небольшая кушетка-кресло, а передъ ней круглый столикъ съ курительными принадлежностями. Письменный столъ, окно, пространства между бюстами на шкапу были завалены книгами и брошюрами, русскими и иностранными. На боковыхъ, отъ письменнаго стола, стѣнахъ были размѣщены разнообразныя гравюры и группы, между прочимъ и группа бывшей редакціи журнала «Русское Слово», съ Благосвѣтловымъ, Зайцевымъ, Писаревымъ, Соколовымъ, Ткачевымъ и другими, менѣе извѣстными сотрудниками запрещеннаго журнала. Куда дѣлась эта интересная группа послѣ смерти Гриднина? Не сохранилась она, новидимому, и у другихъ лицъ, которые имѣли ее, иначе она непременно

была бы воспроизведена въ нашихъ газетахъ и историческихъ журналахъ «свободнаго» времени.

Гриднинъ прочелъ письмо Ткачева и спросилъ:

— А у васъ есть разрѣшеніе университетскаго начальства?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ я:—мы думаемъ устроить нашъ вечеръ просто «съ благотворительной цѣлью», не вмѣшивая въ это дѣло правленія университета, чтобы сохранить за собой возможность раздать собранныя деньги дѣйствительнымъ бѣднякамъ, а не «любимцамъ» начальства. Я и прошеніе подалъ о разрѣшеніи мнѣ устроить вечеръ съ благотворительною цѣлью, не объясняя послѣдней.

— Кистеръ можетъ не удовольствоваться такимъ опредѣленіемъ цѣли вечера и пожелаетъ проникнуть въ ваши ближайшія цѣли. Что сказать тогда ему?

— Объ этомъ надо подумать. По правдѣ сказать, мнѣ это не приходило въ голову.

— Не сдѣлаемъ ли такъ, не скажемъ ли ему, что сборъ съ вечера предназначается въ пользу бѣднаго семейства?

— Тогда вмѣшается полиція, потребуетъ отъ меня документальнаго доказательства того, что деньги переданы по назначенію. А гдѣ я возьму такое семейство?

— Я вамъ помогу,—у меня есть одна бѣдная женщина съ тремя дѣтьми, очень нуждающаяся. Вы ей дадите рублей 50, и она вамъ выдастъ какую угодно расписку.

— А не разболтаетъ?

— Можете быть покойны, я ее знаю давно, и она предана моей матери всей душой.

— Въ такомъ случаѣ, дѣйствуйте, какъ хотите. Я думаю, что мои товарищи-распорядители одобрятъ мою рѣшимость пожертвовать 50-ю рублями, дабы сохранить за нами право распорядиться сборомъ безъ вмѣшательства правленія и инспекціи.

— Если такъ, то я завтра же поѣду къ Кистеру, а потомъ займемся приглашеніемъ артистовъ. Въ этомъ я тоже могу принести вамъ пользу своими знакомствами въ артистическомъ мірѣ.

Я поблагодарилъ и собрался уходить. Протягивая мнѣ руку, Гриднинъ сказалъ:

— Завтра же заѣду къ вамъ сообщить о моемъ свиданіи съ барономъ. Застану ли васъ въ 3—4 часа дня?

— Если можно, пріѣзжайте лучше послѣ обѣда, часовъ въ 7—8 вечера. Постараюсь собрать всѣхъ распорядителей.

— Пусть будетъ такъ, если это вамъ удобнѣе. Мнѣ все равно,—я вечеромъ всегда свободенъ, когда не бываю въ театрѣ, или мать не ждетъ гостей. Завтра ни того, ни другого не предвидится.

Я ушелъ.

На другой день, ровно въ 8 часовъ вечера, Гриднинъ былъ у меня. Его предчувствіе оправдалось: Кистеръ уже послалъ, отъ имени ми-

нистра двора, через полицію, запрось мнѣ, съ какою именно благотворительною цѣлью намѣреваюсь я устроить вечеръ. По этотъ запросъ еще не дошелъ до меня.

— Когда я разсказалъ ему,—продолжалъ Гринингъ:—что вы устраиваете вечеръ въ пользу бѣднаго семейства, баронъ сейчасъ же объявилъ мнѣ, что вечеръ будетъ немедленно разрѣшенъ, какъ только мой отзывъ на посланный запросъ будетъ имъ полученъ.

— Я завтра же справлюсь въ вашемъ участкѣ,—вставилъ я.

— А я уже просилъ мою мать вызвать завтра утромъ ту бѣдную женщину, о которой гонорилъ вамъ вчера, и не сомнѣваюсь, что все устроится вполне благополучно. Вопреки пословицѣ, мы, погнавшись за двумя зайцами, убьемъ ихъ обоихъ. И бѣднякамъ-студентамъ поможемъ, и бѣдную женщину поддержимъ. Надо только поинтереснѣе составить вечеръ. На кого изъ литераторовъ вы рассчитываете?

— Съ этой стороны я покоюсь. Приглашу Якова Полонскаго, Соколовскаго, Скабичевскаго, Ткачева, Минаева, можетъ быть, и Достоевскій согласится прочесть небольшой отрывокъ, хотя на него особенно рассчитывать нельзя,—онъ человѣкъ больной и капризный.

— И безъ Достоевскаго обойдемся, пяти чтецовъ за глаза довольно, три въ первомъ и два во второмъ отдѣленіи. Больше, право, не требуется. Лучше лишній разъ выпустить пѣвца или пѣвицу. А начнетъ вечеръ кто? Надо для начала хорошаго музыканта. Есть у васъ такой?

— Музыкантовъ я имѣю въ виду двоихъ: піаниста Данеманна, его же попрошу аккомпанировать пѣвцамъ и пѣвицамъ, и скрипача Пушкилова. Не откажетъ, мнѣ и віолончелистъ Веркбилловичъ, съ которымъ я встрѣчаюсь у одного моего пріятели. Первое отдѣленіе можно начать роялемъ, а второе скрипкою, віолончель же пройдетъ и въ серединѣ. Вотъ пѣвцовъ и пѣвицъ никого не знаю, а они главная приманка для публики съ улицы.

— Я ихъ всѣхъ знаю и напередъ скажу вамъ, на кого изъ нихъ вы можете рассчитывать, на кого нѣтъ. Платонова, Леонова, Меньшикова, Корсовъ, Саріоти всегда охотно поютъ въ благотворительныхъ концертахъ; старикъ Петровъ проситъ «пощадь» по старости; Никольскій жаждетъ до денегъ и почти никогда и нигдѣ не поетъ даромъ; Лавровская на всѣ приглашенія отвѣчаетъ, что она принципиально не сочувствуетъ никакимъ благотворительнымъ концертамъ и вечерамъ и признаетъ лишь взаимную артистическую помощь служителей сцены и эстрады.

— А Горбунова можно залучить? Какъ вы думаете?—спросилъ я.

— Трудно, но невозможно. Надо только сумѣть въ день вечера сохранить его относительно трезвымъ, чтобъ онъ могъ выйти на эстраду. Это совсѣмъ безвольный человѣкъ. Даже въ казенные

спектакли онъ почти всегда выходитъ навеселѣ, выпивая передъ выходомъ бутылку елисеѣвскаго рублеваго хереса.

— Хотѣлось бы, однако, такъ или иначе заполучить его имя на афишу. Публика очень любитъ его рассказы.

— Попытаюсь залучить и охранить его для вашего вечера. Мать мнѣ поможетъ. Онъ очень уважаетъ ее и иногда слушается.

Поболтавъ еще немного, мы разошлись, условившись на другой день вмѣстѣ начать приглашеніе артистовъ.

На утро, въ 11 часовъ, я былъ у Грѣднина. Погода стояла возмутительная, такая, какая бываетъ въ началѣ марта только въ Петербургѣ: темно, мрачно, съ неба срывается то дождь, то снѣгъ, въ воздухѣ холодно, жутко, словомъ, какое-то пятое время года, календаремъ не предусмотрѣнное. Ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать сносно было невозможно, хотя извозчики храбро выѣхали, кто на саняхъ, кто на маленькихъ пролеткахъ, на круглыхъ рессорахъ (такихъ извозчиковъ теперь уже нѣтъ). Спасаясь отъ мучительной тряски, мы рѣшили взять извозничью карету и направились прежде всего къ Ю. О. Платоновой. Артистка встрѣтила насъ просто, радушно и сейчасъ же согласилась пѣть на нашемъ вечерѣ.

— А аккомпаниаторъ у васъ есть?—спросила Юлія Федоровна.

— Думаю пригласить Данеманна,—отвѣтилъ я.

— Отлично. Съ нимъ я люблю пѣть. Онъ прекрасный, понимающій музыкантъ и одинъ изъ самыхъ искусныхъ аккомпаниаторовъ въ Петербургѣ.

Отъ Платоновой мы поѣхали къ Леоновой. Дарья Михайловна жила на Адмиралтейскомъ каналѣ, въ домѣ бывшемъ Старчевскаго, извѣстнаго въ свое время журналиста, основателя «Сына Отечества». Въ этомъ домѣ—говорила она—поселилъ ее самъ М. И. Глинка.

Д. М. вышла къ намъ въ пріемную въ сопровожденіи молодой миловидной блондинки, которую она отрекомендовала намъ, какъ свою племянницу, назвавъ ее Ольгою Васильевною Кольцовою. Племянница лицомъ и фигурою очень походила на тетку.

Весьма любезно и привѣтливо встрѣтивъ насъ, Д. М. объявила, что всегда душевно рада помочь своимъ голосомъ нуждающимся студентамъ, у которыхъ она чувствуетъ себя въ неоплатномъ долгу за тѣ шумные, горячіе пріемы, которыми студенчество не перестаетъ выражать ей свое сочувствіе.

— Повѣрьте, я искренно и глубоко цѣню это отношеніе ко мнѣ петербургской молодежи, оно составляетъ мою гордость, мое утѣшеніе, мою отраду, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на Маріинской сценѣ появились новые Вани, Ратмиры, молодые, свѣжіе, покорившіе всѣхъ рецензентовъ и большую часть публики. Одна молодежь остается вѣрна Леоновой, которую научилъ пѣть Ваню и Ратмира самъ авторъ «Жизни за царя» и «Руслана». Это учитель получше Ниссенъ-Соломонъ. Нѣкоторые упрекаютъ меня, что я иногда

пою въ носъ, а знаете, кто научилъ меня этому? Самъ Глинка, говорившій, что русское пѣніе требуетъ носового звука. Петровъ подтвердитъ вамъ это, если не вѣрите мнѣ. Не разъ онъ былъ свидѣтелемъ того, какъ Глинка требовалъ, чтобъ я давала носовой звукъ. И я не смѣла спорить, училась пѣть такъ, какъ желалъ нашъ незабвенный композиторъ, а теперь меня казнятъ за это, упрекаютъ въ вульгарности исполненія. Но привычка обратилась въ натуру, и пѣть по новому я не могу, да и не хочу. Такъ и умру съ завѣтами Глинки. Вотъ и ее учу пѣть немного въ носъ,—закончила Дарья Михайловна, показывая на племянницу.

— А Ольга Васильевна тоже поетъ?—спросилъ я.

— И очень недурно,—отвѣтила Д. М. и неожиданно прибавила:— Хотите, и она выступитъ въ вашемъ концертѣ. Она уже раза два пѣла публично и не безъ успѣха. Для нашего цирка, именуемаго Маріинскимъ театромъ, ея голосъ, правда, малъ, но въ клубной залѣ онъ будетъ звучать хорошо, а мои милые студенты поддерживать мою молодую наслѣдницу.

— Мнѣ ничего другого не остается, какъ искренно благодарить васъ и Ольгу Васильевну за это неожиданное пополненіе программы нашего вечера.

Въ заключеніе нашей бесѣды Д. М. пригласила насъ на свой именинный праздникъ—19 марта.

Дальнѣйшіе визиты: къ Меньшиковой, Корсову и Саріоти—не ознаменовались никакими интересными подробностями. Вездѣ мы были приняты любезно и получили согласіе артистовъ пѣть на нашемъ вечерѣ. Наше странствованіе мы закончили посѣщеніемъ Давнеманна и Пушилова, которые не менѣе любезно согласились и играть, и аккомпанировать.

Осталось дожидаться разрѣшенія министра двора, назначить день вечера и печатать афишу.

Памятно мнѣ посѣщеніе участка. Видный, бравый, еще нестарый приставъ, съ сохранившимися манерами лихого гвардейца, рѣшительно отказался разыскивать интересующую меня бумагу, объявивъ, что, если не объявлена мнѣ, значить, до нея очередь не дошла. А нарушать очередь въ исполненіи бумагъ онъ ни для кого не намѣренъ. «Понимаете, ни для кого, не только для студента».

Сказавъ и скрылся въ боковую дверь, плотно приперевъ ее за собой. Мнѣ не трудно было понять, что больше ждать нечего.

Но я не покорился. Великій постъ не вѣчень, слѣдовало торопиться, дабы не пропустить единственнаго періода, когда разрѣшались въ Петербургѣ частные концерты, литературные утра и вечера. Необходимо было какъ-нибудь обойти «очередь» и отвѣтить на запросъ министерства двора помимо полиціи. Сдѣлать это оказалось нетрудно. Я сейчасъ же написалъ и послалъ по городской почтѣ дополнительное прошеніе министру двора съ разъясненіемъ что

вечеръ устраивается мною въ пользу бѣднаго семейства, состоящаго изъ больной матери и трехъ малолѣтнихъ дѣтей, оставшихся послѣ смерти ихъ мужа и отца, маленькаго чиновника, безъ всякихъ средствъ къ жизни, поддерживаемыхъ кое-какъ частною благотворительностью.

Дни черезъ 3—4 я получилъ разрѣшеніе, тотчасъ же выяснилъ съ клубомъ день вечера и напечаталъ афиши и программы.

Между тѣмъ наступило 19 марта. Я нарядился во фракъ (формы еще у студентовъ не было) и поѣхалъ поздравлять именинницу, запасшись коробкою конфетъ.

Дарья Михайловна была, видимо, тронута моимъ вниманіемъ и пригласила меня пріѣхать вечеромъ «на чашку чая и скромный ужинъ». «И пожалуйста безъ фрака», прибавила гостепріимная именинница, прощаясь со мной.

Въ 8 часовъ вечера я вновь входилъ въ гостиную Д. М., въ которой теперь стоялъ по срединѣ большой обѣденный раздвижной столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Вокругъ стола сидѣли: О. А. Петровъ, Ѳ. К. Никольскій съ женой, Саріоти съ женой, болѣе извѣстной подъ своей дѣвической фамиліей—Лядовой, первой «Прекрасная Елена» на русской сценѣ, И. Ѳ. Горбуновъ, супруги Рамазановы и французскій актеръ Дюпи, или Верне, точно не помню. За самоваромъ сидѣла глубокая старушка—мать хозяйки, а около нея О. В. Кольцова и другая, совсѣмъ молоденькая брюнетка, еще болѣе похожая на Дарью Михайловну, чѣмъ О. В. Кольцова. Сама именинница сидѣла вѣдъ чайнаго стола, на угловомъ диванѣ и просматривала какія-то ноты.

Едва я вошелъ, какъ Д. М. встала мнѣ навстрѣчу и, подойдя къ чайному столу, начала представлять меня своимъ гостямъ и гостей мнѣ. Когда мы подошли къ хорошенькой брюнеткѣ, я услышалъ:

— Еще одна моя племянница, сестра Оленьки, Елена Васильевна. Эта никакими талантами не обладаетъ, но добрая, милая дѣвушка.

Д. М. замолчала. Я жалъ протянутую мнѣ ручку брюнетки. Вдругъ раздался пріятный теноръ Ѳ. К. Никольскаго:

— Давно, Даша, хочу спросить тебя: отчего намъ жены дочерей родять, а ты все племянницъ?

Д. М. не сконфузилась этою грубою шуткою и отшутилась:

— Ну, это мой секретъ, который я твоей женѣ не повѣрю... Мамаша, налейте Е. В-чу чаю,—обратилась она къ старушкѣ, сидѣвшей у самовара.

Шутка Никольскаго развеселила общество. Поились рассказы, анекдоты, шутки, воспоминанія о шутливыхъ разсказахъ Глинки, Сѣрова, Стасова, Оеофила Толстого и др., о забавныхъ случаяхъ съ различными видными дѣятелями оперной и драматической сцены. И. Ѳ. Горбуновъ участвовалъ въ общей бесѣдѣ, въ лицѣ безсмерт-

наго генерала Дитятина, тогда еще молодого и веселаго патриота своего отечества.

Время незамѣтно прошло до ужина, скромнаго, но обильнаго, съ достаточнымъ количествомъ разнообразнаго вина, многочисленными тостами и общимъ увлекательнымъ оживленіемъ и веселымъ подъемомъ. Не только о картахъ никто и не вспомнилъ, но даже никому не пришло въ голову разнообразить вечеръ пѣніемъ или музыкою. Пѣвцы, пѣвицы, музыканты, видимо, были рады отдохнуть отъ звуковъ, забыть Ваню, Ратмира, Фидесу, Антониду, Сабинина, Сусанина, Лоэнгина и т. д., провести вечеръ обыкновенными живыми людьми. Даже Дюньи, или Верпе, не скучалъ, заражался общимъ настроеніемъ и пытался что-то рассказать, но, къ сожалѣнію, хозяйка и ея русскіе гости не были сильны во французскомъ языкѣ, а по-русски онъ не говорилъ, хотя увѣрялъ, что почти все понимаетъ.

Вечеръ 19 марта 1869 года былъ началомъ моего близкаго затѣмъ знакомства съ Д. М. Леоновой, продолжавшагося до весны 1872 года. Въ эти три года я пользовался самымъ широкимъ гостепріимствомъ Дарьи Михайловны, и многіе считали меня женихомъ Ольги Васильевны, а моего брата, тогда еще гимназиста военной гимназіи, женихомъ Елены Васильевны. Сама Д. М. не скрывала, что начала процессъ о разводѣ съ своимъ мужемъ для того, чтобы выйти замужъ за О. Д. Гриднина. Но ни одному изъ этихъ предположеній не было суждено осуществиться: первая вышла замужъ Елена Васильевна за врача Петрова и уѣхала съ мужемъ въ Екатеринбургъ, гдѣ онъ получилъ мѣсто старшаго врача на вновь открытой уральской горнозаводекой желѣзной дорогѣ; много поздиѣ на Ольгѣ Васильевнѣ женился актеръ Пальмъ, а Д. М. увлеклась композиторомъ Мусоргскимъ и умерла, не вступивъ во второй бракъ, разведенной женой своего перваго мужа. Конечная судьба Гриднина мнѣ неизвѣстна.

Три года моего короткаго знакомства съ Д. М. Леоновой ознаменовались ея борьбой съ Е. А. Лавровской, борьбой открытой и тайной, доведшей Леонову до отставки, путешествія на Дальній Востокъ и въ Японию, черезъ Сибирь, и до болѣзни, сведшей ее въ могилу. Не могла она помириться съ тѣмъ, что ея время прошло и надо уступить мѣсто новымъ, молодымъ силамъ. Напрасно старикъ Петровъ не одинъ разъ говорилъ ей:

— Полно, Даша, Бога гнѣвить. Мы свое дѣло сдѣлали, создали и укрѣпили родную оперу, имена Леоновой, Петровыхъ, Булаховыхъ, Платоновой, Никольскаго не умрутъ, мы исполнили добросовѣстно нашу историческую миссію, и намъ слѣдуетъ радоваться, что мы имѣемъ достойныхъ, надежныхъ преемниковъ, которые не погубятъ дѣло, взявшее всѣ наши силы, всю нашу жизнь. А намъ пора на покой, довольно поработали, пусть теперь работаютъ новыя,

молодыя и свѣжія силы, имъ и поты въ руки. Мы должны помогать имъ, чѣмъ въ силахъ, а не злобствовать на то, что они моложе насъ, и публика относится къ нимъ теплѣе, чѣмъ къ намъ, старикамъ. Право, такъ, милая моя Даша.

— Все это я понимаю,—отвѣчала Д. М.:—но все-таки всегда скажу, что Лавровской никогда не спѣтъ ни Ваню, ни Ратмира такъ, какъ пѣла и поетъ ихъ до сихъ поръ старуха Леонова, какъ и Васильеву никогда не заставить забыть Сусанина-Петрова.

— Ну, это дѣло вкуса.

— Нѣтъ, и пониманія музыки Глинки, котораго итальянка Ниссенъ дать не можетъ,—вела свою линію Д. М.

Такъ и умерла, вѣроятно, Леонова съ твердымъ убѣжденіемъ, что вмѣстѣ съ ней умираютъ и Ваня, и Ратмиръ Глинки, созданные ею на Марининской сценѣ.

Ничего крупнаго не вышло и изъ Ольги Васильевны Кольцовой. Она не могла пѣтъ въ оперѣ,—для этого у меня не доставало достаточнаго музыкальнаго слуха. Д. М. устроила ей дебютъ на Марининской сценѣ, въ роли Изяслава, въ оперѣ Сѣрова «Рогнеда», друзья всячески постарались поддержать молодую дебютантку, но всѣ усилія водворить ее въ оперную труппу разбились категорическимъ заявленіемъ Направника, что она не слышитъ оркестра и путается его.

Потерпѣвъ неудачу въ оперѣ, Кольцова, къ великому огорченію Дарьи Михайловны, принуждена была отказаться отъ мысли стать серьезной оперной пѣвицею, и, если не ошибаюсь, до выхода замужъ за опереточнаго актера Пальма, она не выступала публично. Выйдя же замужъ, сдѣлалась въ опереткѣ своего рода звѣздой первой величины и долго распѣвала въ провинціи «Прекрасную Елену», «Маленькаго Фауста», «Цыганскаго барона» и пр. Мнѣ, въ моихъ многочисленныхъ странствованіяхъ по Россіи, не случилось ни разу видѣть Кольцову въ опереткѣ, и я не могу быть свидѣтелемъ ея успѣховъ, но слышалъ, что она долго занимала первое мѣсто среди опереточныхъ примадоннъ, пока, наконецъ, не растолстѣла такъ, что ей стало трудно двигаться и не на сценѣ.

Что же вашъ вечеръ?—можетъ спросить меня внимательный читатель.

Вечеръ сошелъ превосходно, сборъ былъ полный, и бѣднымъ студентамъ досталось болѣе 1000 рублей. Въ сохранившейся у меня записной книжкѣ того далекаго теперь времени значится:

Отъ концерта 28 марта очистилось	1291 руб.
Внесена за 30 студентовъ плата за слушаніе лекцій. . .	750 руб.
Уплачено въ кухмистерскую Козловской должговъ студентовъ за обѣды	250 руб.
Роздано на руки неимущимъ студентамъ по указанію членовъ распорядительнаго комитета	91 руб.

Уплата 50 рублей матери бѣднаго семейства была отнесена къ числу расходовъ по устройству вечера, общая сумма которыхъ записана у меня въ книжкѣ цифрою 345 руб.

Лучшаго результата отъ вечера въ небольшой клубной залѣ и ожидать было нельзя. Кстати сказать, полиція и не поинтересовалась даже спросить меня, какъ именно распорядился я сборомъ съ публичнаго вечера; болѣе года берегъ я расписку матери бѣднаго семейства, но, убѣдившись, что ею никто не интересуется, возвратилъ ее, черезъ Гріднина, обязательной «матери».

На слѣдующій годъ, также Великимъ постомъ, А. Н. Якоби просила меня помочь ей устроить литературный и музыкальный вечеръ въ пользу гарибальдійцевъ, сражавшихся за Францію. А. Н. сама была въ гарибальдійскомъ лагерѣ, видѣла собственными глазами, какими лишениями была полна жизнь великаго вождя и его отряда, великодушно поднявшагося на защиту новой французской республики противъ прусскаго юнкерства. И, по ея словамъ, А. Н. почувствовала потребность выразить гарибальдійцамъ сочувствіе русскаго общества и оказать имъ посильную денежную помощь. Начатый ею сборъ пожертвованій въ пользу гарибальдійцевъ не могъ производиться открыто, а подъ сурдинкою не обѣщаль большаго успѣха. Но А. Н., здравствующая и понынѣ, всегда отличалась завидною энергіей и умѣніемъ выйти изъ затруднительнаго положенія. И тутъ она нашлась, задумавъ устроить въ пользу гарибальдійцевъ литературно-музыкальный вечеръ. Прослышавъ о моей «опытности» въ этомъ дѣлѣ, она обратилась ко мнѣ за совѣтомъ, какъ лучше и вѣрнѣе можно обойти полицейскія затрудненія, т. е. усыпить полицейское любопытство и получить разрѣшеніе на устройство вечера. Я охотно согласился попытать счастье еще разъ получить разрѣшеніе устроить вечеръ въ пользу «бѣднаго семейства». И мнѣ это удалось, разрѣшеніе министра двора послѣдовало на этотъ разъ весьма скоро и безъ всякихъ справокъ. Зала любезно и бесплатно была предоставлена А-рѣ Н-нѣ однимъ изъ большихъ петербургскихъ клубовъ, тѣ же литераторы и артисты, по первому приглашенію, обѣщали свое участіе; программа живо была составлена и вышла интересною и заманчивою для публики съ улицы; афиши выпущены, и продажа началась и шла бойко нѣсколько дней. Вдругъ неожиданно мнѣ приносятъ околѣоточный приглашеніе явиться на другой день, въ 10 часовъ утра, къ начальнику секретнаго отдѣленія канцеляріи градоначальника «для объясненій по спѣшному, секретному дѣлу».

Являюсь. Меня проводятъ въ кабинетъ генерала Колышкина. Спрашиваю его:

— Въ чемъ дѣло, генераль?

— Узнаете отъ самого градоначальника. Генераль Треповъ приказалъ мнѣ вызвать васъ и привести къ нему, а затѣмъ я не знаю, — отвѣтилъ Колышкинъ и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ.

Мы поднялись во второй этажъ стараго дома градоначальника, что былъ на Б. Морской улицѣ. Тамъ Колышкинъ оставилъ меня въ маленькой комнаткѣ, смежной съ пріемной градоначальника, а самъ удалился для доклада генералу Трепову о моей явкѣ. Не прошло и четверти часа, какъ въ комнату, гдѣ я сидѣлъ, вошелъ градоначальникъ и, не отвѣтивъ на мой поклонъ, спросилъ:

— Въ пользу кого устраиваете вы и г-жа Якоби вечеръ въ залѣ Кононова?

— Въ пользу одного пзвѣстнаго намъ бѣднаго семейства, — отвѣтилъ я.

— По моимъ свѣдѣніямъ, это семейство проживаетъ на островѣ Капрерѣ и называется гарибальдійцами, т. е. сбродомъ бунтовщиковъ, сунувшихся не въ свое дѣло. Я не потерплю, чтобы имъ помогали русскими деньгами, и предупреждаю васъ, что, если хоть одна копейка собранныхъ вами денегъ будетъ отправлена вами на островъ Капреру, то вы и г-жа Якоби уѣдете дальше, чѣмъ этотъ островъ, и совсѣмъ въ другую сторону.

И рѣшительный генераль кивкомъ головы далъ мнѣ знать, что аудіенція кончена.

Я въ тотъ же день передалъ А-рѣ Н-нѣ предупрежденіе Трепова.

— Не отмѣнять же вечера, — сказала она. — Это было бы подтвержденіемъ дошедшаго до Трепова слуха. Лучше сдѣлаемъ видъ, что не придаемъ его угрозѣ никакого серьезнаго значенія и считаемъ эту угрозу результатомъ пустого городского слуха. Не можетъ же онъ дѣйствительно выслать насъ изъ Петербурга, не имѣя никакихъ документальныхъ доказательствъ того, что мы переслали собранныя съ вечера деньги къ Гарибальди. А пошлю я деньги, конечно, не по почтѣ, а съ вѣрнымъ челоуѣкомъ.

— А у васъ есть въ виду такой? — спросилъ я.

— Есть. М. П. Боткинъ свезетъ деньги. Я уже говорила съ нимъ объ этомъ.

— Тогда и говорить нечего. Все въ полномъ порядкѣ, и треповская угроза намъ нимало не страшна. Онъ сдѣлалъ свое дѣло, мы будемъ кончать свое.

На этомъ и порѣшили.

Вечеръ состоялся, прошелъ очень удачно, сборъ былъ хорошій, расходовъ почти никакихъ, даже мать семейства отказалась отъ предложенныхъ ей нами 50 р., заявивъ, что она въ данную минуту не нуждается.

Въ итогѣ собранныя деньги (суммы не помню, тогда не записалъ, ибо сборомъ завѣдывала А. Н. Якоби) благополучно были пере-

сланы старику Гарибальди, отъ котораго А. Н. получила очень теплое благодарственное письмо, а дикая угроза генерала Трепова не имѣла никакихъ послѣдствій ни для А. Н., ни для меня.

А. Н. Сѣровъ писалъ свою послѣднюю оперу на сюжетъ извѣстной драмы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется». Либретто оперы вызвался написать стихами самъ Островскій, но когда дѣло дошло до послѣдняго акта, поэтъ и композиторъ разошлись: Сѣровъ находилъ, что конецъ драмы у Островскаго нелогиченъ, психологически невѣренъ, что естественное развитіе человѣческой страсти, составляющей содержаніе драмы Островскаго, вызываетъ къ иному концу, такому, какимъ оканчивается опера «Вражья Сила». Островскій не согласился передѣлывать конецъ своей драмы и отказался дописывать текстъ оперы по указанію Сѣрова. Смѣлый и упрямый композиторъ вознамѣрился самъ закончить либретто по своему желанію и пониманію сюжета. Но стихотворецъ онъ былъ плохой, и работа надъ текстомъ 5-го акта шла вяло и не удовлетворяла чуткаго композитора. По счастливой случайности, въ числѣ хорошихъ знакомыхъ Сѣрова былъ Н. Θ. Жоховъ, братъ убитаго на дуэли адвокатомъ Утинымъ литератора и публициста А-ра Θ. Жохова, прекрасно и свободно владѣвшій стихомъ. Къ его дружеской помощи и обратился Сѣровъ. Н. Θ. Жоховъ весьма скоро и вполне удовлетворительно переложилъ написанный прозою Сѣровымъ текстъ 5-го акта въ звучные, хорошіе стихи, вполне удовлетворившіе требовательнаго композитора.

— Право же,—довольный успѣшнымъ окончаніемъ текста оперы, говорилъ онъ потомъ своимъ друзьямъ:—наши стихи нисколько не хуже стиховъ Островскаго. Никто и не замѣтитъ, что либретто написано двумя лицами. Я не на шутку боялся, что Островскій обидится и отберетъ у меня свои 4 акта, а онъ, напротивъ, пишетъ мнѣ, что вполне доволенъ моими стихами (Н. Θ. просилъ меня не обнаруживать его авторства), что онъ и не подозрѣвалъ во мнѣ такого искуснаго стихотворца. Да, не Боги горшки обжигаютъ, и не одни великіе поэты и драматурги способны дать хорошее стихотворное выраженіе бурной страсти человѣческаго сердца.

Разъ въ недѣлю, по четвергамъ, скромная и тѣсная квартира Сѣровыхъ набивалась самымъ разнообразнымъ людомъ. Знакомые Сѣровыхъ приводили туда своихъ знакомыхъ, неизвѣстныхъ хозяевамъ. Замѣтивъ новое лицо, спросишь, бывало, хозяина:

— Кто это, А. Н.?

И получишь въ отвѣтъ:

— Право, не знаю, самъ вижу въ первый разъ. Спросите жену,—можетъ быть, она знаетъ.

Кого только нельзя было встрѣтить на этихъ четвергахъ у Сѣровыхъ? Бывали тутъ и музыканты, и артисты, и литераторы, извѣстные и неизвѣстные, студенты, курсистки, просто молодые и старые люди неопредѣленной профессіи, обоюго пола. Прямо изъ передней расходились гости; немногіе, пришедшіе къ Сѣрову, его знакомые и друзья, проходили направо, черезъ гостиную, прямо въ кабинетъ хозяина; большинство же повертывало изъ передней палѣво, въ просторную столовую, гдѣ царилъ добрѣйшая Валентина Семеновна, супруга Александра Николаевича. Въ столовой весь длинный зимній вечеръ непрерывно кипѣлъ гостепріимный самоваръ и стояло нѣсколько блюдъ съ горами бутербродовъ и 5—6 бутылками пива для тѣхъ, кто не довольствовался чаемъ. Никакихъ другихъ напитковъ у Сѣровыхъ не подавалось. Въ 9 часовъ А. Н. выходилъ изъ своего кабинета въ гостиную, затворялъ дверь въ прихожую и садился за рояль, — начиналось священнодѣйствіе — исполненіе на рояли «Вражьей Силы» самимъ авторомъ, который игралъ и пѣлъ одинъ всѣ партіи. Никогда не забуду этого оригинальнаго, истинно-чуднаго исполненія. Прошло съ тѣхъ поръ болѣе 40 лѣтъ, а у меня и до сихъ поръ стоятъ въ ушахъ дивныя речитативы, передаваемые глухимъ, беззвучнымъ голосомъ Сѣрова съ такой неподражаемой экспрессіей, какой не достигали потомъ самые лучшіе исполнители «Вражьей Силы» на Маріинской сценѣ. Безспорно, неподражаема была Леонова въ роли трактирщицы Спиридоновны, великолѣпный Еремка вышелъ у Саріоти, отличную Груню создала Лавровская, хорошъ былъ и Петръ — Кондратьевъ, но ни одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ артистовъ не заглушилъ въ моей памяти того впечатлѣнія, которое оставило во мнѣ исполненіе Сѣрова, безъ признака голоса, безъ оркестра, безъ сценической обстановки.

Незадолго до перваго представленія «Вражьей Силы» на Маріинской сценѣ Сѣровъ пригласилъ на свой четвергъ Кондратьева, Саріоти, Лавровскую и Леонову и проигралъ и пропѣлъ имъ всю оперу. Впечатлѣніе было громадное; артисты горячо благодарили композитора за этотъ замѣчательный урокъ экспрессіи, давшій имъ живое представленіе о всѣхъ персонажахъ оперы, объ ихъ не только внутреннемъ, но даже внѣшнемъ обликѣ. Сами артисты пожелали провести нѣкоторыя сцены подъ аккомпаниментъ автора, и Сѣровъ былъ въ восторгѣ отъ экспрессіи, проявленной Леоновой и Саріоти, и отъ глубокаго чувства, бывшаго ключомъ въ чудномъ голосѣ Лавровской.

— Великолѣпно! — воскликнулъ онъ: — лучшихъ Спиридоновны, Еремки и Груни и желать нельзя. Для васъ, Дарья Михайловна, я въ награду транспонирую по вашему голосу мою «Рогнѣду», а то теперь ее пѣтъ никому, какъ и «Юдиѣ», которую, послѣ Біанки, ни одно сопрано не рѣшается даже попробовать спѣть, — боятся

сорвать голосъ,—такъ, будто бы, высока партія. Но «Юдионъ» спустить даже до меццо-сопрано я не соглашусь и для Леоновой, а «Рогнѣду» можно, и я обещаю этотъ подарокъ вамъ, къ первому вашему бенефису, если, конечно, эта мысль улыбается моей милой Спиридоновнѣ.

— Меньшикова говорила мнѣ,—вмѣшался Саріоти:—что она намѣрена просить дирекцію возобновить «Юдионъ» для ея бенефиса; спрашивала меня, не забылъ ли я партіи Олоферна.

— Это меня не радуетъ,—отвѣтилъ Сѣровъ:—у Меньшиковой прекрасный, сильный и звучный голосъ, но плохой музыкальный слухъ, она не слышитъ оркестра даже въ «Жизни за Царя», нестерпимо детонируетъ отъ начала до конца въ такой партіи, которую поетъ десятокъ лѣтъ, если не больше. Направникъ не разъ говорилъ мнѣ, что измучился ловить ее, когда она разойдется съ оркестромъ. Скажите ей, при случаѣ, что я не советую ей братья за «Юдионъ»,—можетъ выйти большой и позорный скандалъ.

— Это ужъ вы сами скажите ей; мнѣ она не повѣритъ, а надъ вашими словами задумается.

— Впрочемъ, я надѣюсь на Направника,—онъ не согласится дирижировать «Юдионъ» съ Меньшиковой.

Не знаю точно почему, но Меньшикова такъ и не пѣла никогда «Юдионъ».

Сѣровъ сдержалъ свое слово, передѣлалъ «Рогнѣду» для Леоновой, и она съ большимъ успѣхомъ много разъ пѣла эту трудную оперу и, какъ сказано выше, выпустила въ ней (въ роли Изяслава) свою дочь-племянницу, мечтая провести О. В. Кольцову на Маринскую сцену. Мечта эта, какъ извѣстно, не сбылась...

Извѣстно, что Сѣровъ, по образованію, былъ юристъ, кончилъ училище правовѣдѣнія, гдѣ былъ товарищемъ братьевъ Стасовыхъ, съ которыми, главнымъ образомъ съ В. В. Стасовымъ, былъ долго друженъ и по выходѣ изъ училища. Соединяла ихъ искренняя любовь обоихъ къ музыкѣ, глубокое пониманіе послѣдней, на почвѣ котораго друзья юности въ послѣдствіи рѣзко и навсегда разошлись и стали принципиальными, непримиримыми врагами. Помню, разъ, на одномъ изъ четверговъ Сѣрова, кто-то изъ гостей рассказывалъ другому, что онъ встрѣтилъ Стасова на улицѣ.

— Котораго Стасова?—спросилъ рассказчика его собесѣдникъ.

— Имени не знаю. Такой длинный.

— Да они всѣ длинные,—вставилъ Сѣровъ.

— Такой крикунъ.

— Да они всѣ крикуны.

— Повидному, не умный.

— Да они всѣ глупые,—рѣшительно замѣтилъ Сѣровъ.

— Какъ, и Владимиръ Васильчъ глупый?—спросилъ я, удивленный отзывомъ Сѣрова.

— У этого былъ когда-то умъ, да весь вышелъ; остались: дерзость, пахальство, безпредѣльное самомнѣніе и противное себялюбіе, а ума не осталось и слѣда. Отлично кто-то сказалъ про него:

«У Стасова всегда

Коль ругать, такъ безъ стѣсненія,
Коль хвалить, такъ до забвенія.

«Тиранъ какой-то, морская сирена, а не критикъ».

Такъ отзывался подъ конецъ своей жизни Сѣровъ о другѣ далекой юности...

Ө. Д. Г-нъ возвратился изъ Женевы, куда ѣздилъ парламентаромъ къ русскому эмигранту Эльпидину отъ кружка сотрудниковъ запрещеннаго журнала «Русское Слово», мечтавшаго о продолженіи изданія въ Женевѣ, если не «Колокола» Герцена, то его «Полярной Звѣзды». И Эльпидинъ, какъ издатель, казался этому кружку подходящимъ для того человѣкомъ. У него имѣлась русская типографія, былъ подъ рукою еще остатокъ знаменитаго Бахметевскаго «общаго фонда», переданнаго сыномъ Герцена въ распоряженіе русской молодой эмиграціи. Не было, конечно, могучаго таланта покойнаго основателя «Полярной Звѣзды», но имѣлись въ виду среднія хорошія литературныя и публицистическія силы, какъ за границею, такъ и въ Россіи, съ которыми начать дѣло, подъ старой, исторической фирмой, не представляло особаго нравственнаго риска. Эльпидину предлагалось, испросивъ согласіе Огарева и дѣтей Герцена, соединить подъ знаменемъ великаго патріота все живое, умное и талантливое въ молодой эмиграціи и при содѣйствіи петербургскаго радикальнаго литературнаго кружка возобновить изданіе «Полярной Звѣзды». Объ этомъ проектѣ въ Петербургѣ знали очень немногіе. Я узналъ о немъ отъ П. Н. Ткачева, подъ величайшимъ секретомъ, и очень заинтересовался исходомъ миссіи Г-на.

Узнавъ о возвращеніи Г-на въ Петербургъ, я зашелъ къ нему.

— Ну, какъ съѣздили?

— Вотъ, привезъ «Что дѣлать», новое изданіе Эльпидина.

— А «Полярная Звѣзда» издаваться будетъ?

— Нѣтъ. Эльпидинъ категорически отвѣтилъ мнѣ, что не рискнетъ явиться замѣстителемъ Герцена. И онъ правъ. Въ русской эмиграціи идетъ теперь такая разладица, что объединить ее совершенно немислимо, особенно подъ знаменемъ Герцена, котораго почти всѣ молодые эмигранты считаютъ теперь талантливымъ буржуемъ въ социалистическомъ плащѣ, который никого уже обмануть не можетъ. Даже Бакунинъ, вчера еще восторженно отзывавшійся и о личности и о дѣятельности Герцена, сегодня признаетъ, что пропагандѣ Герцена прошло время, и теперь нужна другая рѣчь,

болѣ революціонная, рѣшительная и боевая. Въ Женевѣ ждутъ новыхъ людей, которыхъ долженъ отбросить въ эмиграцію Нечаевскій процессъ. Рѣчь Дементьевой на судѣ произвела тамъ громадное впечатлѣніе.

— Ее и Ткачева уже выслали изъ Петербурга, — успѣшилъ сообщить я.

— Куда?

— Говорятъ, въ Великіе Луки, Псковской губерніи.

— Ну, это еще ничего. Недалеко, по крайней мѣрѣ, отъ Петербурга, легко удрать.

Въ этотъ моментъ въ коридорѣ послышался шумъ шпоръ, а въ кабинетъ Г-на вбѣжала горничная и возвѣстила: «Баринъ, къ вамъ полиція и жандармы». Минуту спустя, въ комнату вошли: жандармскій полковникъ, мѣстный полицейскій приставъ, два городскихъ и двое понятыхъ. Полковникъ предъявилъ Г-ну распоряженіе Третьяго Отдѣленія о производствѣ у него тщательнаго домашняго обыска.

Я хотѣлъ уйти и унести съ собой экземпляръ женевского изданія романа Чернышевскаго, который успѣлъ опустить въ большой карманъ моей шубы до прихода полиціи. Но полковникъ остановилъ меня словами:

— Я васъ прошу остаться. Все должно въ этой комнатѣ остаться въ томъ видѣ, какъ было въ моментъ нашего входа сюда.

— Да развѣ я вещь, принадлежащая Г-ну? — возразилъ я.

— Прошу остаться и не выпуждать меня сейчасъ же арестовать васъ, — рѣзко прервалъ меня полковникъ.

Я, разумѣется, остался и замолчалъ. Полковникъ приступилъ къ производству обыска, начавъ таковой съ обзрѣнія портретовъ, висѣвшихъ по стѣнамъ.

— Это кто? — спросилъ полковникъ, показывая на портретъ Прудона.

Мнѣ въ эту минуту Прудонъ удивительно напомнилъ Я. П. Полонскаго, и я смѣло отвѣтилъ:

— Нашъ извѣстный поэтъ, Яковъ Петровичъ Полонскій.

— А это? — ткнулъ жандармскій палецъ въ портретъ Герцена.

— Французскій актеръ Дюпьи, — отвѣтилъ Г-нъ.

— Не похожъ. Дюпьи я часто вижу на сценѣ. У Бергамаско (тогдашній фотографъ) есть лучшіе снимки.

— Не сомнѣваюсь, но этотъ мнѣ подарилъ самъ Дюпьи; я его и повѣсилъ.

— А это что за незнакомая балетчица?

— Моя мать.

Сконфуженный полковникъ извинился и прекратилъ осмотръ портретовъ.

Въ углу, между книжнымъ шкапомъ и печью, лежала груда старыхъ газетъ.

— Зачѣмъ вы ихъ храните?—спросилъ полковникъ.

— Привычка,—отвѣтилъ Г-нъ:—мало ли зачѣмъ бываютъ нужны старыя газеты.

— Пахомовъ,—обратился полковникъ къ городовому:—верѣвка есть?

— Есть, ваше высокородіе.

— Перевяжи всѣ газеты и отложи къ сторонкѣ. Возьмемъ съ собой. Здѣсь я ихъ разбирать не могу.

Городовой принялся увязывать газеты, а полковникъ подошелъ къ книжному шкапу, открылъ дверцу и остановился.

— Ну, въ книгахъ я не силенъ,—проговорилъ онъ скороговоркой.—Ни перебирать ихъ, ни забирать я не собираюсь. Скажите по совѣсти, здѣсь нѣтъ запрещенныхъ заграничныхъ русскихъ изданій?

— Ни одного,—отвѣтилъ Г-нъ.

— Вотъ и отлично. Я вамъ вѣрю.

И полковникъ заперъ шкапъ.

— Скажите,—обратился онъ опять къ Г-ну:—вы давно пріѣхали изъ-за границы?

— Недѣли двѣ.

— Васъ на границѣ обыскивали?

— Нѣтъ. А что?

— Всегда такъ у насъ: прозѣваютъ, а потомъ зря начинаютъ пороть горячку, искать вчерашняго дня.

— Да въ чемъ дѣло?—спрашивалъ Г-нъ, видя, что полковникъ склоненъ разболтаться.

— Видите, съ мѣсяцъ тому назадъ Третье Отдѣленіе получило отъ своихъ заграничныхъ агентовъ предупрежденіе, что вы везете цѣлый транспортъ книгъ. Оно это предупрежденіе пропустило мимо ушей, распоряженія объ обыскѣ васъ на границѣ не сдѣлало и теперь ищетъ на Караванной того транспорта, который могъ быть двѣ недѣли назадъ въ Вержболовѣ.

— Все это вздоръ, сплетня шпионовъ. Никакого транспорта нѣтъ на Караванной и не было въ Вержболовѣ,—горячо возразилъ Г-нъ.

— На Караванной вижу, что нѣтъ, а въ Вержболовѣ—не знаю, это меня не касается. Прошу отпереть ящики письменнаго стола.

Когда столъ былъ отпертъ и ящики выдвинуты, полковникъ увидѣлъ массу писемъ и бумагъ, беспорядочно наполнявшихъ ящики. На столѣ лежали свѣжіе нумера «Голоса» и «Спб. Вѣд.» Полковникъ взялъ листъ газеты и, протянувъ его городовому, произнесъ:

— Пахомовъ, выгребай все изъ стола, завернешь въ газету, возьмемъ и это все съ собой, у Цѣпного моста разберутъ.

Покончивъ съ письменнымъ столомъ, полковникъ обратился ко мнѣ:

— Теперь позвольте полюбопытствовать, что лежитъ въ вашихъ карманахъ.

— Повторяю вамъ еще разъ, что я не вещь, принадлежащая Г-ну. Вѣдь у васъ нѣтъ предписанія обыскать меня?—попытался я еще разъ протестовать.

— Пахомовъ, вынь изъ кармановъ г. Корша все, что тамъ найдется,—отвѣтилъ полковникъ на мой протестъ.

Я предупредилъ Пахомова и вынулъ самъ изъ кармана бумажникъ, портсигаръ и письмо, полученное изъ Америки, отъ нѣкоего Фрея, данное мнѣ для передачи одному пріятелю.

— Отъ кого это письмо?—спросилъ полковникъ?

— Изъ Америки,—отвѣтилъ я.—Письмо не ко мнѣ, я его долженъ былъ передать одному пріятелю и не успѣлъ сдѣлать этого.

— А письмо о чемъ?

— Не знаю, не имѣю привычки читать чужія письма.

— Ну, я прочитаю, мнѣ интересно, что пишутъ вашему пріятелю изъ Америки.

И полковникъ началъ читать письмо, прочелъ одну страницу, перевернулъ листъ и остановился. Потомъ показываетъ мнѣ строчку, на которой, въ скобкахъ, былъ написанъ по-англійски адресъ: улица, нумеръ дома, помнится, въ Нью-Йоркѣ.

— Это что значить?—спросилъ полковникъ.

— Адресъ для отвѣта на письмо,—отвѣтилъ я.

— Отчего же его нельзя было написать по-русски, когда все письмо русское?

— Въ Нью-Йоркѣ почта не читаетъ по-русски, и письмо съ адресомъ, написаннымъ по-русски, навѣрное не дойдетъ по назначенію.

— Похоже на правду. Но все-таки лучше письмо взять, разъ оно изъ Америки и въ немъ есть иностранныя слова и какой-то адресъ.

И письмо Фрея было тутъ же уложено въ чистый конвертъ, на которомъ полковникъ сдѣлалъ надпись, что письмо отобрано у меня во время обыска у Г-на.

Въ составленномъ затѣмъ протоколѣ объ обыскѣ у Г-на было упомянуто, что на студентѣ слѣб. университета Евгеніи Коршѣ, котораго производившіе обыскъ застали въ квартирѣ Г-на, ничего подозрительнаго, кромѣ отобраннаго письма изъ Америки, найдено не было.

Когда протоколъ былъ готовъ и всѣми подписанъ, я получилъ разрѣшеніе уѣхать домой. Тутъ же, въ присутствіи всего синклита, я надѣлъ свою шубу съ женевскимъ изданіемъ романа «Что дѣлать» въ карманѣ.

Такъ производились политическіе обыски въ 1870 году.

Е. В. Коршъ.